

"Творчество Олёны - безусловно, талантливо, глубоко и ёмко! Опыт и знание изначальные, вне возраста. Это что-то свыше..." - Светлана Сурганова

СУДЬЯ

РОМАН О ЛЮБВИ
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

16+

ОЛЕНА ПРИТУЛА

Олена Притула

Судья

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Притула О.

Судья / О. Притула — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Роман "Судья" – художественное переосмысление библейской книги Судей (главы 13-16). Роман повествует о судьбе израильского народа Шимшоне, его неоднозначном, но тем не менее героическом жизненном пути и трагической гибели от заговора возлюбленной Шимона с вельможами враждебного Израилью народа.

Содержание

1	5
2	14
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олена Притула

Судья

1

В год, когда пэлиштим¹ стали хозяевами соленого моря, а вместе с ним захватили битум, так что им не надо было беспокоиться о благосостоянии, ведь битум скупали египтяне, чтобы бальзамировать тела своих мертвых, и северные моряки просмаливали им корабли. В год, когда прозрачная луна над Аиалонской долиной неподвижно висела в воздухе до девятого часа утра, и в Негеве солнце жарило лица рабов так, что на кончиках ушей запекалась кровь, в маленькой деревне на западном склоне горы Мерон случилось событие. Шесть семей, что в ней жили: пастухи, дети, готовящиеся стать пастухами и старики, бывшие ими когда-то, уже не помнили, когда в последний раз испытывали такой подъем душевных сил, когда незадолго до Песаха², в третий день месяца авив³, в ворота селения постучался путник.

Он был замотан в черное, кое-где покрытое солеными разводами пота покрывало, обувь на ногах совсем истерлась, в черных волосах просвечивали седые прогалины, словно он спал, положив голову в потухший костер. При себе у него не было ничего, кроме дырявого мешка и дорожной палки. Этой палкой он яростно колотил в ворота, ударами прерывая густой шум дождя.

Ему пришлось подождать, когда, наконец ворота отворились и, несмотря на жалкий вид, старейшины признали в нем Эхуда, сына Хаима, пропавшего пять лет назад.

– Вернулся Эхуд! Идите сюда, смотрите! – возвещали старики, шлепая черными сапогами по холодной грязи.

Мерон всполошился. Женщины немедленно послали детей на выпас, сообщить мужьям, чтобы те срочно возвращались домой. Они обступили его полукругом и изумленно рассматривали, медленно раскачиваясь. Они смотрели так, словно он вернулся из преисподней. Ахса и Хаим, родители Эхуда, прибежали на крики и долго целовали сына, утыкаясь лицами в его грязный плащ. «Наш сын! Ты вернулся», – восклицали они, теплые слезы на их щеках смешивались с ледяным дождем, радость обдавала жаром их старые тела.

После первых приветствий Эхуда повели в дом. Было решено приготовить лучшего козленка. По такому случаю дядя Эхуда вместе с сыном отправились к загонам. Эхуд переменял нижнее платье, надел чистые шерстяные штаны и красную рубаху. Тихий запах рожковых плодов и миндаля, исходивший от одежды, ложился на плечи медовой усталостью, дарил покой. В доме потрескивал огонь, лампы зажглись в каждом углу. Сестры раскатывали тесто для хлеба, со двора тянуло ароматом мяса, кипящего в котле. Дом казался ему самым лучшим местом на земле.

Наевшись до отвала, Эхуд рассказывал о том, что повидал в последние пять лет: «Мореплаватели особенно любят ту часть моря, которая снабжена частыми заливами и островами. Море без пристаней, хотя бы оно было спокойно, возбуждало в нас великий страх; а где со всех сторон расположены заливы, пристани и берега, там мы плыли с непоколебимой уверенностью. Если когда мы и видели возмущившееся море, то, имея вблизи убежище, скоро и легко находили спасение от угрожающих бедствий. Вот почему не только тогда, когда мы плыли близ

¹ Пэлиштим – народы моря, вторгшиеся в Ханаан в XII в. до Р. Х. Во время описываемых событий, пэлиштим (XI в. до Р.Х.) захватили большую часть Израиля.

² Песах – центральный иудейский праздник в честь исхода народа Израиля из Египта (1446 г. до Р.Х.).

³ Авив приблизительно соответствует марту-апрелю григорианского календаря.

пристани, но даже тогда, когда находились вдаль, мы получали большое утешение от одного взгляда на неё. Наши души немало ободряло и представляющаяся издали вершина горы, и поднимающийся дым, и стада овец, пасущихся под горой. А когда мы входили в самое устье пристани, тогда наслаждались полной радостью. Тогда мы и весла оставляли, и тела свои, страдавшие от соленой воды, освежали хорошей водой и, вышедши на берег и повалившись немного по земле нагими телами, устраняли все неприятности, происходящие от мореплавания».

Домашние смотрели на него во все глаза. По их лицам бежали любовь и умиление. Не верилось, что вот он, сидит перед ними. Можно дотянуться, можно потрогать. Теперь он всегда будет с ними, больше не уйдет.

– Что же вы делали, когда знали, что до земли не близко? Страх одолевал вас? – спросил Хаим. Рассказ сына представлялся ему весьма занятным. Расчувствовавшись, он был близок к тому, чтобы начать видеть в своем отпрыске героя, настоящего воина морей.

– Переплывая море, мы пели, папа, облегчая труд песнями, – скромно ответил Эхуд, сложив лодочкой темно-багровые, растрескавшиеся ладони на коленях.

В порыве восторга Хаим длинными руками притянул смущенного Эхуда к себе, приказал жене:

– Дай ему еще мяса, Ахса! Смотри, положи как следует, уж сегодня мы накормим нашего мальчика так, что он позабудет все на свете.

– Сейчас, Хаим, дай только встать, – ответила Ахса простуженным голосом. Ей пришлось перегнуться через стол, чтобы достать до большого блюда. На тарелке, перемешанные с обмякшими перьями зеленого лука, остались лишь маленькие косточки с розовыми мясными островками. Пронеся над столом большой живот, чуть не задев им чашки, Ахса красными мозолистыми руками счистила остатки козленка в тарелку Эхуда.

– Поешь, сынок, что осталось, – даже когда Ахса пыталась говорить с домашними тепло, выходило, будто она кричит.

Эхуд с недовольством уставился в тарелку с костлявой кашей.

– А где Ддила? Почему она не встретила меня? – спросил он.

Голоса за столом стихли, в сером доме повисла растерянная тишина. Даже Ахса не нашлась, что ответить сыну.

Третий день месяца авив мог стать самым счастливым из всех дней, выпадавших жителям деревеньки Мерон, если бы им не помешало то обстоятельство, что Эхуд был женат.

Собственно, ради жены он затеял путешествие на Крит. До женитьбы, Эхуд, как все в деревне, за бесценок сдавал шерсть скупщикам, приходившим в конце весны к стенам крепости Мерон. Он был молод, не знал себя и не знал женщин. Смыслом жизни была еда. Эхуд жил от еды до еды. Редкое чувство покоя, случавшееся каждый раз, когда он ел досыта, обволакивало тело щекочущим восторгом. Кроме этого не было ничего: лишь тупая бессмысленная работа. Дела никогда не кончались. Он мог проработать целый день и, вот, вечером, словно из зловещей черной норы уже вылезали новые, приводя его в тупую ярость. Когда же Эхуд познал свою жену, к радости от еды добавилась новое, незнакомое ощущение. Чувство, что оказывается, он не только скотина, ходящая за скотиной; чувство, что он – Эхуд, сын Хаима из колена Нафтали – есть мужчина, есть господин чьей-то жизни. Он вдруг узнал, какое это наслаждение, когда твой мужской орган бьется в ней злобным хорьком. Когда ты видишь боль в её испуганных глазах, чувствуешь сведенные судорогой ноги справа и слева от себя, но знаешь: она ничего тебе скажет. Нужно лишь приказать: жестом, взглядом, можно просто толкнуть, и она покорно ляжет с тобой в твоей хижине, будет чинить твою одежду, будет для тебя варить. Если поев, ты почувствуешь, что голод все еще грызет дыру в твоём животе, ты ударишь наотмашь и узнаешь, каково это, быть хозяином другого существа, чужой хрупкой жизни.

Больше Эхуд не был одинок, ему больше не нужно было нести свою душу одному. Тщеславный дух и жажда серебра вошли в его сердце. Неясные мечты свербели неотступно в разуме

Эхуда, как ночные цикады. Собрав всю шерсть, какую дал весенний постриг, он отправился на Крит.

У Эхуда было две младших сестры. Их уши, кривые, как сушеные инжирные лепешки, торчали по бокам треугольных голов, так же, как у брата; передние зубы были квадратными и разъезжались в стороны, словно зубы свои они нашли на дороге и вставили себе в рот. Братьев у Эхуда не было.

Прождав три года, в которые жена Эхуда, Длила, ходила за его козами, молола зерно и убирала за его сестрами и родителями, выждав затем еще год траура, в который она делала тоже самое, но обряженная в черную накидку, Длила была возвращена в дом отца.

Мохар⁴, заплаченный за неё мужем, давно кончился. О нем напоминал бубен, обтянутый красной кожей. Теперь он одиноко стоял на полке с домашней посудой.

Поскольку братьев у Эхуда не было, Длилу снова отдали замуж. На сей раз за робкого, пугливого трутня Йонатана. Робость его простиралась так далеко, что он робел завести детей. Каждый раз наполняя сосуд, Йонатан выливал его в навозную кучу⁵. В остальном, он был неплохим мужем. Почти все время Йонатан спал на выпасе. Длила делала работу в доме. Её жизнь почти не изменилась. Разве что невыносимо тяготили землисто-бурые стены в доме. Йонатан, казалось, не замечал, каково это, возвращаться с промозглой серой улицы в желто-коричневый дом. Всю зиму Длила обдумывала, как подступиться к Йонатану, уговорить его часть серебра от весенней продажи шерсти пустить на покупку краски для стен.

Ей так и не пришлось спросить его об этом, потому что вернулся Эхуд. Длила оказалась замужем за двумя мужчинами.

Завернувшись в отцовский шерстяной плащ, Эхуд вместе с матерью и отцом вышел из своего жилища и зашагал вверх по холму. Рядом с серой каменной хибарой их поджидали две маленькие черные фигуры.

Издалека было слышно, как они покрикивают друг на друга. Отрывистым фальцетом визжал старик, жена отвечала ему сиплым басом.

Эхуду не хотелось к ним идти, видеть их, говорить слова. Только спать и больше ничего. На корабле, куда заманил его скупщик шерсти, который обещал, что на Крите никто никогда не видывал такого прекрасного товара, как шерсть его меронских коз, он спал не более трех часов, прижимаясь к таким же наивным дуракам, как он сам. Эхуд спал сидя, забываясь в монотонных взмахах вёсел. Спал, когда бич надсмотрщика окровавливал ему бока. Все эти годы Эхуду снился дом: мать, скрипящая жерновами, веселый, чуть тусклый свет лампы, прерывистое бляение коз. Ему снилась жена, с которой не успел родить сыновей и дочерей.

И, вот теперь на лицо неприятно капает серый дождь, вода узкими ледяными струями течет по волосам, заливаясь за шиворот, он поднимается на холм, где трусливо переминаются с ноги на ногу его тесть и теща. Они стояли, держась за руки, понимали, что буря вот-вот начнется, но не были к ней готовы.

– Смотрите-ка, мой сын вернулся, – ехидно начал Хаим.

– Хвала Богу, Хаим. Хвала Богу, – хрипло выдохнула женщина.

Её звали Ривка. Она была не старой, в ней еще можно было угадать смешливую девушку, какой она была когда-то, храбрую и крепкую, как молодой бычок. Её волосы выбивались из-под капюшона, прилипали к мокрому лицу черной тонкой травой. Рот, слишком большой для её лица, все время был чуть приоткрыт. Выпученные глаза Ривки смотрели испуганно, заискивали. Так смотрят люди, которые должны всем вокруг.

⁴ Мохар – сумма, которую муж традиционно выплачивал отцу невесты за отнятую у него рабочую силу и девственность жены. Мохар обычно составлял 50 шекелей серебра (около 550 г). Также жених оплачивал пир, дарил девушке другие подарки во время ухаживания и на свадьбе.

⁵ Эвфемизм, обозначающий способ предохранения от нежелательной беременности.

– Вы пришли за Длилой? – спросила Ривка.

– Как ты сказала, Ривка, мы пришли за Длилой, – пробурчал Эхуд, не глядя на нее.

Больше всего ему хотелось, чтобы закончилась, наконец, эта проклятая прогулка. Взять жену, привести её домой, сделать то, что положено сделать, и уснуть, развалившись на кровати.

– Послушай, сынок, – сказал старик. Он шагнул вперед, не выпуская из своей руки руку жены. Его большие угольные глаза блестели, высокий лоб напряженно собрался в морщины, – послушай меня, ведь ты исчез, пропал. Наше сердце всегда было с тобой, но мы выплакали о тебе все слезы. Ты не оставил ни сыновей, ни дочерей. Был мертв, теперь жив. На мне вины нет...

Предчувствуя, что Ривка с мужем готовы причитать часами, не сходя с места, Хаим обреченно вздохнул. Ему самому не терпелось попасть поскорее в укрытие.

– Будем созывать собрание, – сказал он тихо.

– Конечно, тут нужно. Нужно собрание, – нерешительно, расстроенная, что Хаим и Ахса не вникают в их доводы, отозвалась Ривка.

Дождь усиливался. Вода, смешиваясь с серой землей, текла, огибая ноги. Маленькие камушки беспомощно смывало вниз, в долину. На восточной стороне горы овцы сбивались в стадо, чтобы согреться. Плащ Эхуда намок, тяжело свисая с тощих плечей. Со спины он был похож на гигантскую ворону.

– Хорошо. Соберемся, – подтвердил Эхуд с раздражением. По тому, как распрямились сутулые спины родственников, он понял – отдохнуть ему не дадут.

То и дело поскальзываясь на козых тропках, процессия двинулась обратно, к городским воротам. Коротко описав случившееся двум старожилам, дремавшим под навесом возле ворот, Хаим, его жена, Ахса, Эхуд и родители Длилы отправились к дому Йонатана. Четыре старика и тощий мужчина с белыми прогалинами в голове, с ушами в форме сплюснутых инжирных лепешек, затолкались в дом к Длиле и Йонатану, прикрыв за собой дверь. Ривка и Ахса вцепились Длиле в руки и вывели вон, на дождь, прежде, чем она успела что-либо сообразить.

Кутаясь в коричневую шаль, она стояла во дворе около часа. Мокрая юбка облепила ноги. Ногам было холодно, противно. Из дома доносились голоса: гудели негромко, но все вместе. Она не могла разобрать ни слова. Слева, со стороны дороги, обсаженной густым боярышником, Длила слышала другие голоса. Она узнала дядю Эхуда и его сына. Едва вбежав во двор, дядя наотмашь распахнул дверь и скрылся внутри. Его сын, прежде чем войти, ухватился рукой за подпорку, на которую Длила вешала бурдюки с молоком, и крепко держась, подпрыгнул, описав круг гибким молодым телом. Несколько секунд он всматривался в Длилу. Из-под длинной челки сверкали красивые глаза.

Наконец, из дома появился Эхуд.

– Здравствуй, Длила, – сказал он тусклым голосом.

Эхуд сильно изменился. Его лицо, и прежде напоминавшее крысину морду, надрезали морщины. С левой стороны вверх топорщился клок бороды и усов, отчего все лицо казалось сдвинутым влево. Глаза провалились, жадно мерцая из-под косматых бровей длинными узкими щелками. Эхуд стал похож на старую крысу.

Длила в ужасе глядела на него. Не верилось, что это правда.

Первыми в овчарню двинулись родители Длилы. Сразу за ними шли отец и мать Эхуда. Хаим и Ахса крепко держали девушку с обеих сторон. Усталый Эхуд, вдруг предавшийся некоей меланхолии, замыкал процессию. Его дядя и брат убежали вперед, дабы немедленно созвать всю деревню.

Длила то и дело попадала ногами в лужи. Её плохо сшитые сапоги громко хлюпали. Хаим и его жена прекрасно слышали звук, но и не подумали выпустить Длилу. Думая лишь о своих ногах, они мотали её туда-сюда, словно куклу.

Дойдя до мрачного, как, впрочем, и все в Мероне, ветхого сарая, они с силой втокнули Длилу в загон. Пролетев около пяти локтей, Длила приземлилась бедром на холодный земляной пол, но быстро вернула равновесие, вскочила и уселась на корточки. Провожая её угрюмыми взглядами, родня удалилась в маленькую комнату, выстроенную, чтобы вести денежные расчеты (если таковые когда-нибудь предвидятся). В каморке, облюбованной пауками и блохами, уже ждала остальная община.

Старейшины Шела и Кеназ взялись вершить судьбу Длилы. Тощие, дряхлые старики, к старейшинам они относились скорее по количеству прожитых лет, чем по причине мудрости. Кеназ еще помнил кое-что из завета Яхве⁶. Шела слыл неплохим пастухом в свое время. В Мероне говорили, что скот при нем меньше болел и лучше плодился. В последние годы Шела и Кеназ просыпались каждый в своем доме, отхлебывали по несколько глотков травяного напитка и шли к воротам города. Они сидели там по целым дням на низкой каменной скамье, символе почета. Разговаривать им было не о чем. Для двоих мудрецов Кеназ и Шела накопили мало воспоминаний, а те, что были, давно выцвели в бесконечном круге повторений. Чаще всего они бессмысленно глядели вдаль, на безбрежную равнину Бет-Керем, за которой начинался огромный, ненужный им мир.

Собрание все больше напоминало суд, по мере того, как опустошался чан с финиковой водкой. Послали за Йонатаном. Он сел в углу, подпирая кулаком щеку. Его короткие спутанные кудри, воловьи глаза придавали облику безучастную покорность. Старейшина Кеназ зачитал слова завета: «Когда возьмет мужчина женщину и будет мужем её, и если она не понравится ему, потому что он нашел в ней противное, и напишет ей письмо о разводе, и даст в её руку, и отошлет её из его дома, и она выйдет из дома его, и пойдет, и будет женой другому мужчине, и возненавидит её муж последний, и напишет ей письмо развода и даст в руку её, и отошлет её из своего дома; или если умрет муж последний, который взял её себе в жены, то не сможет её муж первый, который отослал её, вернуть её, взять её, чтобы была ему женою, после того, как она была осквернена, потому что мерзость это перед Яхве, и не вовлекай во грех землю, которую Господь Бог твой дает тебе во владение».

Все эти «пойдет, её, будет, отошлет» были сложны и высокопарны. Никто толком не ел с утра, вино набухало в головах. Действие возымели слова «возненавидит», «осквернена», «мерзость перед Яхве». В сердцах меронских жителей рождался угодливый трепет. То, что произошло в деревне, было мерзостью. Что за величественное, сильное слово! Да еще перед Яхве!

– Нельзя нам медлить! Давайте скорее устроим справедливый суд! Нарушила верность мужу! – кричал старейшина Кеназ, упираясь руками в плохо сколоченный стол.

– Но ведь она думала, что он погиб, – нерешительно отозвался старейшина Шела, стоявший справа от старейшины Кеназа.

– Вот, в этом заключается дело. Он-то не погиб, а вернулся. Скажи-ка, старейшина Шела, а?

Шела провел грязным ногтем по крошечному детскому рту, причмокнул и сказал:

– Эхуд вернулся домой – она замужем за другим.

– Она нарушила верность мужу? – дожимал старейшина Кеназ.

– Выходит, да, так.

– Скажи-ка, Шела, что говорят слова закона о женщине, которая делает мерзость, какую она сделала? – Кеназ шел к своей цели.

– Смертью умрет, – сам не желая, Шела вбил последний гвоздь.

Каморка для расчетов взорвалась. Все пришли в необычайное возбуждение. До конца не верилось, что в их серой, клеклой жизни случилось, наконец-таки, что-то стоящее. Тяжесть многих лет работы вдруг схлынула с них, сердца стали свободными, легкими. Пусть несколько

⁶ Яхве – имя Бога в Иудейской религии.

часов их жизнь будет стоять хоть что-то. Они, именно они истребят мерзость, убьют гнусность, которая развелась во владениях, данных отцам Господом Богом!

Чан с водкой стремительно пустел. На дне тускло переливалась темная жидкость. Сперва они решили убить Длилу и набросать на неё камней на западном склоне. Старейшина Кеназ счел, что это будет назидательно для остальных женщин Мерона. Община одобрительно восклицала: «Давайте, так её! Мы не потерпим; да не будет зла среди нас». Но, ко всеобщему неудовольствию, Эхуд отказался таскать камни. Он был слишком измучен дорогой. Тогда казнь перенесли на восточный склон, где в изобилии водились камни любого веса и размера. Решено: спозаранку, едва солнце покажется над Мероном, Длилу отведут на вершину и сбросят вниз головой со скалы. Она упадет на дно ущелья, где будет лежать с переломанным позвоночником, пока община не добьет ее, швыряя камни точно в голову. За все это время Йонатан не сказал ни слова.

Загон заперли, и Длила осталась одна. Мужчины и женщины, которые утром были её семьей, разбрелись каждый в свою постель.

Ночью в загон приходил дядя Эхуда. Его глаза светились ненавистью в душевной темноте. Он подошел ближе и плюнул в Длилу.

Потом приходил Йонатан. Он весь дрожал. Волчья голова ходила из стороны в сторону, словно вот-вот слетит с плеч. Длила лежала на свалывшейся, вонючей желтой траве и не могла понять, чего ей ждать от него.

– Так что, это всё я... – начал он глухим голосом.

Длила подняла затравленные глаза.

– То есть, всё ты, – он повернулся и пошел домой. Йонатан ушел в дом отца.

Глядя на его профиль, Длила вдруг заметила, какой плоский, некрасивый у него затылок.

Она ждала около часа. Чувствовала, как кровь бежит по венам маленькими пузырьками. Пузырьки становились настойчивей, кровь прилиwała к голове резкими волнами. Кровь в её голове приказала бежать. Обходя сонных овец, Длила стала пробираться вглубь загона к единственному окошку.

Прямо за ним, на расстоянии не больше пяти-шести локтей друг от друга, были вкопаны высокие жерди с навешенной на них крепкой перекладиной. Длила не раз видела, как овцы со связанными ногами висели на ней перед забоем. Длила прикинула, что окошко расположено выше неё где-то локтя на два, попробовала допрыгнуть, зацепиться руками. Ничего не вышло, она только чуть не упала на спину. Ей было не допрыгнуть, нечего было подставить под ноги. Потревоженные овцы задвигались, певуче заблеяли: «бе-е-е-э». Она услышала какой-то шум с восточной стороны. Длила сделала три больших шага назад, сняла с себя верхнюю накидку. Та вымокла и набухла от дождя, но ей удалось скрутить жгут, завязать петлю и попытаться набросить петлю на жердь. Она закидывала её снова и снова, сдавленно крича, как лиса, попавшая в ловушку, приходя в бешенство с каждым новым броском, но не сдаваясь. Наконец, у неё получилось. Длила снова подпрыгнула, уперлась ногами в стену овчарни и подтянула себя к окну. Протискиваясь наружу, Длила чувствовала, как на острых каменных краях остается ее кожа.

Последнее, что она сделала, рассуждая как человек, была кража ишака. Длиле пришлось вернуться в загон и отвязать осла, который мирно спал, привязанный к каменному колышку за толстую веревку. Это был один из пяти довольно старых ослов, использовавшихся в Мероне. Он принадлежал старейшине Кеназу, и пока она клала седло на его широкую спину, пока надевала на него удила, в голове стучали мерзкие слова старейшины. Сам осел не был ни в чем виноват, Длила понимала это, но из-за хозяина невольно испытывала чувство отвращения к животному.

Неторопливой, тяжелой походкой страх погнал её вниз, на юго-запад. Длила бежала девять дней.

Она никогда нигде не была, кроме как на самом конце восточного склона Мерона. Она даже не представляла, что за местность ей предстоит преодолеть.

Все девять дней её бил озноб. Он то стихал, то вновь усиливался, но не отступал даже когда Длила, выбившись из сил, на несколько часов проваливалась в забытье.

К утру первого дня, когда алое солнце, прогоняя водянистый туман, стало подниматься над горами, осел Кеназа издох. Он долго упирался дряхлыми отошальными ногами, коренастым туловищем, пока не сел на задние лапы и не взглянул внутрь себя. В отчаянии Длила стала колотить его сапогами по крупу. Ишак рухнул набок. Длила слышала его протяжное «ы-ы-ы». В предсмертном оскале открытой пасти, в стеклянных глазах стояла такая же бессмысленная злоба, как у хозяина. Его передние зубы уродливо торчали вперед. . . Нельзя пытаться заставить осла делать то, что он делать не хочет. Ишак решил умереть. Длила бессильно наблюдала, как он претворяет в жизнь свое намерение.

Она оставила труп и побежала к морю. Казалось, она бежала быстрее осла. Её уже могли искать, а значит, надо торопиться.

Она совсем не знала местности, и страх не раз спасал её в эти дни. Он подсказал, что лучше будет идти по ночам, а днем спать, укрывшись в зарослях, или, если повезет, в пустующих пещерах.

Привалившись в полдень к огромному камню на вершине холма, стуча зубами от холода, Длила видела, как те, кого называют негодными людьми, насмерть забили человека. Он был мелким торговцем, путешествовавшим в одиночку всего с двумя ослами. Длила смотрела, как он повалился навзничь на свои тюки, как защищал руками голову, суча ногами, словно жук. Ей показалось, что перед смертью он заметил её хрупкую фигуру. В этот момент Длила подумала, что была последним сочувствующим ему существом.

Именно страх помог ей не напороться на военный дозор пэлиштим на границе её колена с коленом Ашера. Она стала очень чуткой и, вовремя услышав голоса, свернула с края дороги, которым кралась, в терновые кусты. Закусив губу от боли, которую причиняли коричнево-синеватые шипы, вонзавшиеся в голени, в руки, в спину, она пережидала, пока отряд на рослых черных лошадях скроется из виду, пока не перестанет слышаться шорох копыт по земле. Пробираясь сквозь заросли, Длила уходила все дальше от дороги. Найдя поваленную сосну, она просидела на ее мертвом, влажном буром стволе до рассвета. Отчаяние качало Длилу из стороны в сторону. Она впадала в оцепенение от воя волков. Одиночество, ночь, и ни единого человека, которому можно рассказать, что с ней сделали, хотя бы заглянуть в глаза.

Очнувшись от холода, Длила поняла, что задремала, а значит, никуда не продвинулась. Потеряна еще одна ночь. Не выдержав сидеть в лесу целый день, она снялась после полудня со своей стоянки и, продираясь через колючие растения, вышла к цистерне. Там ей удалось выпить немного воды, зачерпывая её рукой. Длила не знала, что следующие два дня ей придется пить только густую болотистую воду, отдающую тинной, иначе бы дольше задержалась там. Напившись, чувствуя, как вода течет по горлу вниз, в живот холодным ручьем, она оторвала от сухого дерева толстую корягу и двинулась на юг.

В непролазных болотах Ашера, поросших папирусным тростником, солнце выглядывало днем чаще, чем в Галилее, кладя сухие жаркие ладони ей на плечи, на затылок. Длила замирала в блаженстве. Ей казалось, будто не двигаясь, она выкажет почтение солнечному свету, заставит солнце дольше обнимать её. Но солнце не нуждалось в уважении Длилы. Не хотело её любви лазоревое небо, топкие овраги Ашера отторгали её. Они словно говорили: «Уходи, не задерживайся». Солнце укрывалось в густых облаках, Длила злилась. Лицо искажалось гримасой, она заламывала руки.

На полях долины Шарон, покрытых сочными, красными маками, злость сменилась отупением. Лежать в траве днем было приятно, но вместе с тем она чувствовала, что движения ста-

новятся медленней. Длила стала как будто тяжелее. Как будто отупение рождалось не внутри, а пришло извне, повисло маленькими грузилами на пальцах, грудях, шее, волосах.

Однажды мимо пробежала свинья. Вероятно, отбилась от стада. Длила прежде не видела свиней, она пришла в трепет от визга, который та издавала. Он немного походил на ржание лошадей, которых она видела в крепости Мерон. По телу, которое только начало отогреваться, снова пробежал озноб. Там же, в долине Шарон, она нашла разорванную сандалию. С правой стороны она была стоптана сильнее, не хватало одной завязки. Длила долго держала её в руках, гладила истертые ремешки, пока не бросила, удивившись самой себе.

Она почти перестала чувствовать голод. В первый и третий день есть хотелось нестерпимо. Она выкראה девять пятнистых яичек прямо из-под носа перепелки и выпила их. Она ела редкие ягоды, пыталась есть цветы, отрывала и сосала кору. В конце четвертого дня голод стих.

Дойдя до Яффо, стоя на холме, почти что у самой дороги, Длила испугалась. Красные, с птичьими головами вместо носа, на море неспешно раскачивались корабли. Были и другие: черные, синие, золотисто-охристые. Они выглядели так причудливо, что, казалось, снились Длиле. Построены корабли были так хорошо и искусно, что не могли существовать в реальности. Даже ночью Яффо освещался множеством костров. Перекрикивая волны, моряки ругались с торговцами. До Длилы долетали обрывки мелодий. Она устала. Отдых, выпадавший ей, было трудно назвать сном. Длила рассчитывала остановиться, как только достигнет побережья. То, что мир на самом деле такой огромный и разный, повергало её в оторопь. Она здесь не останется. Кто-то из Мерона, как Эхуд тогда, пять лет назад, может дойти до Яффо, пытаясь продать шерсть. Нужно спускаться дальше.

Длила покинула Яффо, волоча за собой душу, болтавшуюся теперь где-то в её распухших ногах.

Воздух становился теплее, по мере того, как она спускалась. Иногда она даже снимала верхний плащ, оставаясь в широком сарафане, доставшемся от матери, и нижней рубашке. Длила все ждала, что Йонатан купит для нее новую одежду, а заодно и для себя. Возвращение Эхуда милостиво сохранило его кошелек.

На девятый день Длила пришла в Ашдод. Здесь, на песчаных холмах, было уже совсем тепло, как летом. Воздух был ласковым и свежим от морского бриза. Небо было бесконечно ясным. Раскидистые, мохнатые пальмы возвышались над землей, цвели нарциссы и акации. Величественно выстроились стройные ряды виноградников, весело жужжали пчелы. Со стороны порта невыносимо вкусно пахло свежим хлебом, маслом и уксусом.

Длила чувствовала, как солнце и небо, пальмы и цветы вливаются в душу сказочной, невероятной красотой. Нигде, куда падал её взгляд, не было ни единого серого или бурого пятна, ни единого покосившегося дома. Только небо и солнце, пальмы и цветы. Только радость, только покой. Длила вновь чувствовала себя маленькой девочкой, чувствовала, что она человек...

«Пришла», – решила Длила. Скинув уродливый шерстяной плащ, она бесстрашно вошла в Ашдод.

Так покинула Длила земли колена Нафтали, спустившись через Ашер и Шарон к границе Дана и Йехуды.

Ранним утром тринадцатого авива, щурясь под яркими лучами солнца, Длила с любопытством и, даже с гордостью, шествовала по улицам Ашдода.

Тем временем, на западном склоне горы Мерон шесть семей собрались встретить первый день Песаха. Рассевшись по старшинству за грубым столом, уставленным горькими травами и пресным хлебом, они предвкушали, когда, наконец, подадут зажаренного ягненка. Старейшина Кеназ и старейшина Шела поднимали к небу руки, прося Яхве о позднем дожде. Они зывали к Его милосердию, стеная загрудными голосами, какие было сложно предположить в

их щедушных телах, похожих на свечные огарки. «Да будет гора, где Ты разрешил обитать нам, покрыта обильной, тучной травой! Сделай дома наши ломящимися от богатства, наших сыновей сделай сильными, словно горных медведей. Пусть не коснется нашей земли кровавая битва, и добрые дни пусть будут у нас!». Невозможно было представить, глядя на жителей Мерона, что девять дней назад они так же собрались воедино, чтобы убить молодую девушку, сбросив её с горы вниз головой. Когда молитвы были окончены, жертвы принесены, община воссоединила души и желудки за пасхальной трапезой.

– Холодно ей у нас было. Слишком нежная была, потому сбежала, – вдруг не к месту сказала Ахса, отрывая от костей не пропеченное мясо.

Кусочек желтого бараньего жира застрял у нее меж зубов. Он дерзко торчал изо рта, напоминая медовую соту. Родители Длилы, её мужа, старейшина Кеназ, старейшина Шела и прочие угрюмо промолчали. Исполняя заповедь «Радуйся пред Господом, Богом твоим», они сосредоточенно вкушали пищу.

2

Солнце еще не успело достичь зенита, как Длила начала догадываться, что новый мир к ней безразличен. Люди сновали туда-сюда, не обращая на нее внимания. Рыжие волосы кадили повозки по столбовой дороге, ведущей к крепости Ашдода, поросшей чертополохом с обеих сторон. В повозках сидели крестьяне с озабоченными лицами. Длила шагала с краю, стараясь не отстать от остальных. Внизу виднелся город, обнимавший полукругом крепостную стену. При входе стояли два гладких белых каменных столба. Несколько человек выстроились в линию, ожидая, когда пухлый пекарь с землистым лицом и опрятной охристой бородой вознесет свои мольбы. Люди были терпеливы, тоже хотели чего-то просить. Поравнявшись с пекарем, Длила задержалась, пытаясь вслушаться что и к какому богу говорит человек с аккуратной бородой. Но слов было не разобрать. Зато, она заметила, что между двумя маццевот⁷ на резном каменном возвышении установлен еще один столбик, а на нем небольшая глиняная фигурка. Она узнала маленькие круглые груди Аштарот⁸, ее глупенькое живое лицо, как у бурундука, словно Аштарот внюхивается во что-то.

Такой же идол был у них в Мероне, только ставился он не на улицу, а в дом. Мать, когда топила печь, многозначительно глядела на этого идола. Когда-то Ахса преподнесла ей на свадьбу Аштарот из черного базальта...

В самом городе не только маццевот были сделаны из белого камня. Почти все постройки были светлыми и гладкими. Вытесанные из известняка, дома здесь не были похожи на серые меронские кучи. Многие здания были двухэтажными. Почти к каждому дому крепился навес: черный, черный с красным, желтый с узкой синей полосой. На одном из домов навес был пурпурный, с вытканной на нем белой цаплей. Цапля была толстовата, но все равно понравилась Длиле. Она прятала голову под крыло – чистила перья. Под пурпурным навесом размещались сборщики податей и другие чиновники. Здесь купец из Мицраима⁹ мог получить печать, заверяющую его хозяина, что он действительно доплыл до земель пэлиштим, а мореплаватель из Цидона¹⁰ справиться, не нужны ли кому бусы из Испании по выгодной цене. Черная ткань навеса означала, что в доме проводятся операции с деньгами: здесь мину можно разменять на парсины, шекели, беки и даже пимы¹¹. Под черно-красными навесами жили и делали свою работу мясники, пекари, торговцы маслом и бальзамом, продавцы вина, пива и крепкого варева из финиковой пальмы. Здесь можно было купить почти всю домашнюю утварь: горшки, кастрюли и сковородки; вилки, стаканы и кувшины, прочные костяные иглы и мешочки с сухими цветами, которые так приятно пахнут. К некоторым домикам была построена невысокая ограда, за которой стояли скамьи и каменные чурбаны – здесь можно было поесть горячей еды, выпить чашку вина или кувшин пива. В желтых с синей полосой домах сидели ювелиры, торговцы платьем, мужским и женским, кузнецы и оружейные мастера.

Длила в изумлении разглядывала шумный мир Ашдода. Огромная белая стена с зубцами и башнями окружала сердце города – храм Баала, царский дворец и богатые дома знати.

⁷ Маццевот – «стоячие камни», символизирующие поклонение Баалу и другим ханаанским богам.

⁸ Аштарот – ханаанская богиня власти и любви.

⁹ Мицраим – Египет.

¹⁰ Цидон – приморский город на юге современного Ливана.

¹¹ Мина – вторая по величине после киккара весовая единица, равная 50 шекелям, 60 мин составляют 1 киккар. Парсин – половина мины. Шекель – основная денежная единица. Шекель равен примерно 11 г серебра. Бека равна половине шекеля; пим – 4/6 шекеля.

Пройдя вместе с толкавшимся народом по дороге, окруженной с обеих сторон стеной, внутрь крепости, Длила оказалась на главной торговой площади. Первый раз в жизни она ступала по мощеным камнем улицам.

За крышами домов она видела еще один возвышавшийся холм, а на нем два великолепных здания – храм и дворец царя. Жизнь здесь текла полноводной рекой, узкие улочки сливались в узоры перекрестков, крики и смех оглушали её.

Никогда Длила не слышала столько голосов одновременно, не видела такой пестрой одежды, колец, браслетов и других украшений. Женщины носили тонкие белые платья, на рукавах, груди и подоле расшитые синими и желтыми ирисами. Они покрывали головы прозрачной, почти невесомой, тканью цвета лазурита, повязывая её легко и утонченно. Богатые женщины в Ашдоде носили зеленое. Длила догадалась, что они богатые, потому что на покрывала на своих головах они надевали тяжелые золотые привески. На одной знатной головке Длила насчитала аж по двенадцать этих круглых, переливающихся на солнце привесок с каждой стороны.

Она видела воинов, головы которых украшали причудливые шлемы. Над медным ободком, там, где должны быть волосы или верхушка шлема, веером торчали кованые красные перья. Сбруи их коней тоже были украшены такими веерами. Жесткие перья защищали голову носителя от копей, камней и рубящих сверху ударов меча. Торс воинов обтягивали железные доспехи, оставлявшие руки открытыми. Платье было коротким, закрывало ноги выше колен крупной красно-белой клеткой. Были здесь и чернокожие воины с плоскими носами и широкими ноздрями в угольно-черных кожаных шлемах, плотно облежавших череп, и другие мужчины, с миндальными глазами в шлемах сфероконической формы. Их платье, надетое под броню, скрепляли на ключицах алмазные булавки.

Кого тут только не было! Казалось, Длила очутилась в пупе земли, в центре мира, откуда каждое мгновение люди отплывают, отъезжают, уходят каждый в свою сторону!

Еще на подъездной дороге Длила заметила, что израильтяне, в отличие от пэлиштим и в отличие от нохрим¹², диковинных чужаков, одеты в простые коричневые плащи. У них не было ни мечей, ни железных пряжек. Лишь иногда ей попадался кто-то, носящий золотой браслет или кольцо в носу, или цепочку.

Евреи выглядели здесь самыми бедными, а она была самой бедной из всех евреев. Длиле стало стыдно за свои сапоги. Хоть она и очистила их от грязи и просушила на солнце прежде, чем спуститься, вид у них был хуже не придумаешь. Один сапог порвался сбоку, другой на правом носке. Длила стояла на площади и старалась поставить ноги так, чтобы закрыть сразу обе дыры, но у нее ничего не выходило. Пару раз на нее покосились. Длила остро осознала, как жалко выглядит, как плохо пахнет, как она бесконечно никому не нужна. Сжимаясь от унижения и страха, заворачивая плечи вовнутрь, к груди, словно это были крылья, могущие защитить, она вернулась обратно, за городскую стену. Села на колени возле можжевельного дерева и закрыла глаза. Снаружи шумел город, Длила вдыхала резковатый хвойный запах. Внутри, в темноте, отчаяние и жалость свободно носились в её пустом животе.

Кто-то тронул ее за плечо. Длила подняла глаза и увидела два черных сверкающих глаза. Они глубоко сидели по обеим сторонам длинного носа, который словно взяли и пришили с другого лица. Прямо под обтянутыми загорелой кожей впалыми щеками красной щелью залегал рот.

– Возьми, ешь. Это тебе, – произнес красный рот, и здоровенная мужская рука протянула ей хлеб.

¹² Нохрим – временные пришельцы, иноплеменники или инородцы.

Кое-где хлеб был измазан медом. Длила с осторожностью переложила его из рук незнакомца себе на колени. Она отщипнула кусочек, потом еще один. От сладкого вкуса закружилась голова.

Горе встало комом в горле. Впервые за эти дни напряжение схлынуло с нее, и она разрыдалась. Ненависть и страх заперли её в себе самой. Длилу трясло, как в лихорадке, слезы слепили, она не могла открыть глаз. Но, даже рыдая, Длила ощущала, как рука, принадлежавшая красному рту, боязливо гладит ее по голове, аккуратно перебирая каждую прядь ее волос.

– Откуда ты? Как твое имя? – спросил незнакомец.

– Мое имя Длила. Я пришла с севера, – ответила девушка. Она подумала, что кусок хлеба, кое-где вымазанный в меде, не стоит того, чтобы открывать свои тайны.

– Поняла, – сказал красный рот.

Длила насторожилась. Доев булку, она ощущала даже некоторую радость.

– Понял? – переспросила Длила.

– Поняла... – повторил красный рот и жалко улыбнулся.

– Кто ты? – спросила девушка.

– Я – Яэль, – просто ответил новый знакомый. Длила смущала его, ему хотелось поскорее закончить с приветствиями.

– Яэль имя для женщины, а ты не женщина, – возразила Длила.

– Внутри я женщина. Снаружи почти что тоже.

Длила не нашлась, что на это ответить. Ей было немного боязно и непривычно. Но свежая хрустящая булка так умиротворяюще укладывалась в ее продрогшем теле, согревая его изнутри, что она не решилась спорить.

– Ты тут недавно? Вижу, недавно, – сам себе ответил красный рот, – Где твоя семья?

– Они умерли.

– Умерли здесь?

– Нет, – Длила поморщилась.

– Куда ты идешь? – спросил Яэль.

– Не знаю, – честно сказала Длила, – Куда идешь ты? Может быть, я могу пойти с тобой?

– Я искала работу, пробыла здесь утро, но ничего не нашла. Хочу попробовать подняться в шефелу¹³, может, там получится наняться на работы с ячменем. Самое время делать пиво.

– Я не умею делать пиво, – растерялась Длила.

– Там нечего уметь.

Яэль сказал, что ему нужно два часа на то, чтобы закончить дела, и они могут отправляться.

Длиле оставалось только ждать. Подложив плащ под спину, удобно оперевшись на теплые камни городской стены, она ждала Яэль, подставляя лицо солнцу. Взвесив все, что произошло с ней в эти дни, Длила пришла к выводу, что ни трусливому Йонатану, ни жестокому Эхуду не хватит мужества добраться в Ашдод. Значит, жизнь все-таки продолжится.

За этими размышлениями ее застал Яэль. Высокий, еще чуть-чуть, и можно сказать, что он богатырского роста, с роскошными широченными плечами и узкими, словно выточенными из мрамора бедрами, Яэль смотрел на нее, улыбаясь, не показывая верхних зубов.

В руках он держал мешок и сверток с темно-синим одеялом. Им предстоял длинный путь. Чтобы добраться до шефелы, они должны были идти целый день.

В дороге им встречались светло-зеленые поля пшеницы, они миновали ряды виноградников. Яэль поглядывал на Длилу и нервно хихикал. Длила понимала – с ним это от застенчивости и не злилась. Всюду, где была охранная башня – на винограднике или в поле, Яэль бесстрашно приближался нелепой походкой к сторожам и узнавал, нет ли для них работы. Везде

¹³ Шефела (евр. «низменность») – участок между Прибрежной долиной и Иудейским нагорьем.

ему отвечали примерно одно: «Ничего нет. Идите, куда идете». Кто-то тарашился на него, кто-то швырял камнями. Яэль с его копной бесцветных длинных прядей, свисающих с лысеющей головы, обвязанной цветастой тесемкой, повергал людей в шок, вызывал брезгливость. Хотелось, чтобы он скорее ушел.

От отказа к отказу, они продвигались вверх, глубже в шефелу.

Пришлось заночевать в поле. Они поели из мешка Яэль вяленой свинины, оливок со сморщенными боками и хлеба, запили все это водой из родника. Улегшись между камней, закрывавших их от дороги, они устроились на ночлег. Длила прежде не ела свинину, у нее болел живот, неприятно тянуло вниз. Когда во сне Яэль обнял её сзади, она чуть не задохнулась. Горячий, гладкий, жилистый, он сам был как кусок мяса. От него пахло чем-то сладким. Она дышала через рот, полночи убивая себя в себе, пытаясь не замечать.

Путь занял девять часов. Наконец, они вошли в селение, где жили одни израильтяне, где семьи, платя пэлиштим непомерную дань, работали на себя. Яэль уже подумывал, не пойти ли им выше, в Аиалон, как заметил дом, который заинтересовал его. Благодаря высокому росту, за прочной, собранной на совесть каменной изгородью, он смог увидеть мужчину. Мужчина сидел во дворе, в дверях своего дома. Перед ним выстроились редуты пузатых кувшинов. Напевая под нос веселую мелодию, он брал кувшин, внимательно крутил его в руках. Если в кувшине не было трещин, он ставил его слева от себя. Если же кувшин имел повреждения, мужчина, задорно крикнув и зажмурив глаза, без сожаления разбивал его о землю. Кроме песни хозяина и звука бьющихся черепков в доме было тихо, поблизости не было видно ни детей, ни женщин. Яэль решил попытать счастья.

– Мир тебе! – начал Яэль скрипучим голосом.

– Мир... – хозяин удивился, но в лице его, в его голосе не было ни брезгливости, ни отвращения.

Яэль ободрился и продолжал.

– Я и моя подруга идем в поисках работы. Не найдется у тебя работы для нас?

– Подруга? – переспросил хозяин.

– Да, она стоит тут, – ответил Яэль неуверенно.

– Надеюсь, что твоя подруга не похожа на тебя, – сказал хозяин, встал с крыльца и подошел к калитке. Ему было не больше пятидесяти, он был невысоким и коренастым. Круглый живот и круглая голова, отороченная соломенными кудрями, выгоревшими от времени и солнца, придавали его облику добродушие.

Как только он увидел Длилу, выражение его лица сменилось с удивления на искренний восторг. Несмотря на помятый вид, будто она приплыла с Кафтора¹⁴ в трюме для рабов, в ней сияла хрупкая красота. Хозяин не мог разглядеть ее фигуру – Длила снова накинула плащ, но он видел очертания ее силуэта, тонкие запястья и изящные длинные пальцы. Высокий чистый лоб, изогнутые радугой брови, огромные умные агатовые глаза, окаймленные густыми черными ресницами, аккуратный прямой носик. Рот её, бывший чуть больше, чем надо, лежал на лице свежим цветком акации. Её губы были чуть приоткрыты. Это придавало всему лицу очаровательное выражение детской доверчивости.

Хозяин не привык скрывать свои чувства. Глядя на Длилу, он издал возглас наподобие птичьей трели и два раза хлопнул в пухлые ладоши.

Забыв об устрашающем виде огромного мужчины, на котором было надето черное льняное платье, какие обычно носят вдовы в долине пэлиштим, он, ни теряя ни минуты, затолкал их внутрь своего участка.

– Нам бы попить, – робко начал Яэль, оказавшись возле стола, стоявшего под раскидистым зеленым сикомором.

¹⁴ Кафтор – Крит.

Хозяин сбегал в дом, вынес оттуда кувшин с водой и три кружки, нанизав их ручками на палец.

– Ну, так... – сказал хозяин, громко отхлебнув прохладной воды из своей чашки, – Вы – сахирим¹⁵?

– Да, – ответил Яэль, – мы с подругой пришли из Ашдода. Хотели наняться на виноградники, но для поденщиков еще слишком рано. Для пшеницы тоже рано. Мы надеемся на ячмень. Я умею отлично сбраживать пиво, мой вкус будет лучшим из всех, что ты пробовал. Подруга будет мне помогать. Как ты знаешь, эта работа требует большой искусности.

– Как зовут твою подругу? – перебил его хозяин.

– Ее зовут Длила¹⁶, – прокрипел мужчина во вдовьем платье.

– Длила? – удивился хозяин, – это что, прозвище?

– Меня называли так, чтобы отогнать злых духов.

– Как вижу, это не очень тебе помогает, – с грустью, в которой сквозила надежда, сказал хозяин, – Я – Зер-Кавод.

Яэль никто не спросил о его имени. Зер-Кавод решил называть его просто «ишша¹⁷». В будущем, он будет немало забавляться, когда на клич «ишша! ишша!» к нему будет спешить косматый мужчина в юбке, с размалеванными местенем¹⁸ глазами и блистающей на солнце плешью, кокетливо прикрытой пестрой тесемкой.

У Зер-Кавода не было детей. Год назад он овдовел. Каким-то чудом ему удалось не попасть в долговую кабалу, сохранить землю и положение в общине. Но урожаи падали, подати пэлиштим росли, и Зер-Кавод был вынужден отпустить трех еще вполне молодых рабынь, которых они с женой купили, когда те были практически детьми. С ним остался только старый раб с проколотым ухом¹⁹. Этот раб, двадцать кур и участок на двести локтей, который Зер-Кавод разумно разделил на части под ячмень, пшеницу и виноград, составляли его богатство.

– То, что вы появились здесь – хороший знак, – он бросил полный благодарности взгляд в дом, где, сгрудившись в кучу рядом с печкой, стояли терафимы²⁰ покойной жены, – Для начала найму вас на месяц. Плачу шекель каждому и конечно же, хлеб, пока будете работать.

– Каждой, – неуверенно промямлил Яэль.

Но Зер-Кавод уже усадил Длилу на крыльцо и пустился в пространные объяснения на тему того, какой кувшин годен для зреющего в бурдюках пива, а какой следует разбить, не жалея.

Так Длила стала поденщицей в имении вдовца Зер-Кавода. Как и дома, в Мероне, она вставала до рассвета и делала все те дела, которые положено делать женщине: молола зерно, чистила двор и курятник, кормила скотину и кур, убирала жилье. В полдень она садилась передохнуть и с тоскливым интересом наблюдала, как шустрый Зер-Кавод на кривых растопыренных ногах ходит от одного сарая к другому, а за ним по пятам бегут его курицы. Яэль Зер-Кавод поручал работу для мужчин. В глубине души Яэль огорчался, но никому этого не показывал.

¹⁵ Сахирим – наемники-поденщики или батраки, временно используемые на сельскохозяйственных работах и в домашнем хозяйстве за строго определенную заранее оплату.

¹⁶ Длила – от евр. דל (dal) бедный.

¹⁷ Ишша – женщина.

¹⁸ Местен – сурьма, порошок для чернения глаз и бровей.

¹⁹ Продавшиеся в рабство иудей или иудейка должны быть в рабстве только 6 лет, а на седьмой должны быть отпущены на волю. В случае нежелания этих рабов воспользоваться своим правом и освободиться от неволи, они подвергаются церемонии с продырявливанием уха и остаются рабами навсегда.

²⁰ Терафимы – небольшие, грубо сделанные статуэтки, родовые идолы, почитавшиеся домашними божествами.

Яэль родился в Цидоне²¹, в доме купца, перепродававшего египетские и вавилонские товары в земли Йавана²². Жители города богатели за счет транзитной торговли. Купцы вывозили в Египет лес и ремесленные изделия. Особенным спросом у них пользовались украшения, благовония и другие роскошные вещи. Не брезговали цидоним торговлей и похищением людей.

Там, в Цидоне, его звали Балиэзер. Когда ему было двенадцать, он стал компаньоном хозяйского сына, юного Авибаля. Несколько лет они играли вместе, учились вместе, вместе купались и ели. Они были близки, и Балиэзеру казалось, что у них одна душа. Демон, который прилетает к тем, кто стыдится себя и боится женщин, повис над их душами. Неумело, но старательно они развращали друг друга, пока о позоре не заговорили чуть ли ни во всем Цидоне. Тогда отец Авибаля, человек решительный и черствый, снабдил его пятью мешками, доверху набитыми серебряными киккарами²³, и посадил на корабль, идущий в Таршиш. Там, среди павлинов, обезьян и свинцовых рудников, Авибаль начал новую жизнь. Жизнь без Балиэзера, но полную всех удовольствий, которые дарил ему юный раб.

Балиэзера немедленно прогнали. Словно раздавленный могильным камнем, он слонялся по улицам, понимая, что ничего не вернуть. Наконец, он собрал немногочисленные силы ополовиненной души и отправился на юг, в долину пэлиштим. Находя утешение в красоте морских закатов, когда умирающее солнце окрашивало небо в его любимый алый цвет, он провел последние пятнадцать лет жизни, нанимаясь батраком на жатву ячменя в авиве. Он жал пшеницу в месяце таммуз, когда плачут легковерные натуры, наивно полагая, что слезами вернут к жизни пахотную землю, и собирал виноград в месяце афаним²⁴. В остальное время ему поневоле приходилось нищенствовать.

Яэль мечтал ночами, что красавчик-ашкеназ²⁵ возьмет его за руку и уведет в прекрасную новую жизнь. В ней они будут лежать и возлежать днями напролет. Единственный, кто был во всей округе на данный момент – старый Зер-Кавод с растопыренными ногами. Ему была нужна Ддила. А Ддиле он был не нужен. Но, иногда, совсем от нечего делать, Яэль в уме примерял на горбатую спину Зер-Кавода прелестную персиковую меховую накидку, в которой за ним явится принц ашкеназ.

Однажды, уже разлив по кувшинам готовое пиво, Яэль и Ддила отправились к ручью Сорек промывать бурдюки. Ячменя в этом году созрело больше, чем Зер-Кавод мог помыслить даже в самых смелых мечтах. Он суетился, пытаясь не потерять ни беки, и с самого утра погнал Ддилу вместе с Яэль к источнику, хотя до этого всегда предпочитал держать ее на работах в доме.

Они были порядком измотаны, у них коченели руки, тошнило от сладко-кислого запаха фруктового пива.

– Как я устала, – сказала Яэль, – никогда не могла подумать, что служить одному вдовцу может быть так тяжело.

– Хитрый старик не прочь подзаработать, – заметила Ддила, полоская десятый по счету истертый бурдюк в ручье, вот-вот готовом пересохнуть.

– Кто знает, может и нам будет награда сверх «одного шекеля и конечно же, хлеба», – Яэль попытался передразнить выговор хозяина. Вышло довольно скверно.

²¹ Цидон – портовый город на побережье современного Ливана.

²² Йаван – Греция.

²³ Киккар равен 3000 шекелей.

²⁴ Таммуз, афаним – примерно соответствуют июню-июлю и сентябрю-октябрю григорианского календаря.

²⁵ Ашкеназы – название народа, обитавшего в районе Верхнего Евфрата.

Стоял теплый день. Низкие облака застилали холмы рваной дымкой, солнце выглядело редко и ненадолго. В блестящих густых зарослях земляничных деревьев суетились пчелы. Над их головами летали стрекозы, мелкая живность копошилась в кустах на противоположном берегу. Длила и Яэль настроились, что будут до конца дня перебрасываться ленивыми фразами, когда рядом с источником раздались громкие голоса.

Длила вздрогнула. Она до сих пор боялась встретить кого-то из Мерона, несмотря на то, что постоянно повторяла себе, что скорее Зер-Кавод станет вельможей во дворце пэлиштим, чем кто-то из её общины осмелится спуститься в шефелу. Голоса приближались, слышно было, как стучат в тоф, прерывисто гудел йобел²⁶. Яэль затаился, на всякий случай прижав к груди бурдюки.

Из зарослей со стороны главной дороги появилась веселая компания. Нарядно одетые и аккуратно причесанные, юноши и девушки, женщины и мужчины, играющие на музыкальных инструментах. Завидев Длилу и Яэль, они взорвались жизнерадостным смехом. Длила же испытала такое облегчение оттого, что в праздничной процессии не было ни одного угрюмого меронского лица, что невольно рассмеялась в ответ.

Впереди всех шел, пританцовывая, невысокий смуглый человек. Его лицо было таким живым и симпатичным, растрепанные каштановые волосы так красиво обрамляли умные карие глаза, что Длила невольно загляделась на него. Заметив, что она смотрит, что на ее щеках все отчетливей проступает розовый румянец, юноша остановился и поздоровался.

– Доброго дня! Простите нас, девицы, что мы возникли перед вами вот так, из леса. Мы и не думали вас напугать. Нам бы только набрать воды. Мы спускаемся в Тимнафу. Жаркий день сегодня, а так, как мы идем, – он окинул процессию озорным взглядом, – мы спустимся только к вечеру.

Его глаза все время улыбались, на щеках играли очаровательные ямочки.

– Конечно, возьмите воды в дорогу. И сами напейтесь здесь. В этом месте ручей закрыт кустами, вода до сих пор вкусная и прохладная, – Длила легким жестом указала на родник.

– Вода здесь такая же вкусная и свежая, как ты? – спросил смуглый красавец.

– Если, конечно, течение успело унести наши труды, – Длила взглянула на груду пивных мешков и звонко рассмеялась.

Яэль кисло смотрел исподлобья. В последнее время он повязывал на голову черный платок из козьей шерсти, который полностью закрывал череп и уши. Приложив некоторую фантазию, его вполне можно было принять за мать Длилы.

Длила беззастенчиво флиртowała с мужчиной, и ему это не нравилось. Яэль тоже хотел быть молодым, тоже хотел заигрывать. Он завидовал.

– Мы бы хотели пробыть здесь еще время. Но, сегодня никак не получается остаться. Я должен отдать мохар за моего друга. Сегодня он женится.

Длила понимающе кивнула.

– Шефела не такая большая. Я очень люблю прогулки. И, кто знает, где в следующий раз вы будете полоскать ваши бурдюки? – молодой человек уже успел понять, что перед ним пусть и очень привлекательная, но все же простая поденщица. Теперь в его заигрываниях Длила улавливала снисходительные нотки.

Она не стала отвечать. Длила отвернулась к ручью и продолжила работать. Холодный пот скользкой унижительной змеей сбегал по ее спине. Когда процессия удалилась, Длила спросила Яэль:

– Кто это был?

– Это Халев, сын старейшины Йехуды. Когда-нибудь он возглавит колено.

– Какой он красавчик! И полный жизни... – вздохнула Длила.

²⁶ Тоф, йобел – музыкальные инструменты. Тоф – ударный инструмент, йобел – труба, сделанная из рога животного.

– Ты еще не видела Шимшона, – улыбнулся Яэль многозначительной улыбкой.

– Шимшона? Кто это?

Длила не получила ответа. Вновь раздался треск веток, зашумели кусты. На берег ручья вышли трое. Первой Длила увидела пожилую женщину. Ее волосы покрывала голубая шаль из тонкого льна. Бросалось в глаза то, что когда-то женщина была ослепительно красива. В ее лице читалась душевная скорбь, она будто стыдилась чего-то. Женщина посторонилась, пропуская вперед мужчину. Длила увидела старика, не такого красивого, как его жена, но все еще крепкого и сильного. Густая, почти без проседи борода, мягко обрамляла его не по-здешнему светлое лицо. Старик ступал уверенно и мягко, словно весь состоял из одной доброты. Если бы Длила взгляделась пристальней, то заметила бы, что его лицо излучает благодушие и простоту, но вместе с тем в нем есть какое-то неясное, невысказанное мучение, словно душа его страдает вместе с душой жены. Но ничего из этого Длила не видела.

В десяти шагах от нее стоял мужчина. Ему было не больше сорока. Одетый в голубой плащ, в льняную оливковую рубашку, он был выше Длилы, но ниже Яэль. Он был идеальным. Сильные руки и сильная грудь, сильная шея и волосы: темно-золотистые волосы, заплетенные в косы, сходились в пучке чуть ниже макушки. Его глаза – она не смотрела в них, не пыталась ничего понять. Она просто любовалась ими; любовалась его мягким большим ртом, аккуратным носом, кончик которого чуть закруглялся книзу... Длилу, словно невесомым одеялом, накрыло теплом. Она не могла пошевелиться. Все смотрела и смотрела на него, с каждой секундой проваливаясь в сладкое воздушное небытие.

Он тоже смотрел. Смотрел в ее умные живые глаза, в которых плескалась нерастроченная нежность, на ее молодое изящное тело, на волнистые волосы, убранные за уши, чтобы не мешали, мягко лежавшие на плечах, и также, как у него, украшенную пучком макушку.

Старик молча набрал воды, заткнул бурдюк пробкой. Надо идти, показал он жестом. Красивая пожилая женщина, ее муж и сын пошли дальше по берегу, так не сказав ни слова ни Диле, ни Яэль. Он удалялся от нее, оглянувшись только раз, и Длила поняла, что не разглядела, какие у него глаза – карие или зеленые.

– Даже не думай, – занял Яэль, – это был Шимшон. Он – судья Израилев. Он женится сегодня. Он не для тебя.

Длила и не думала...

3

Когда мохар был отдан и стороны договорились, наступило время праздника.

Всякий, кто шел по своим делам узкими улицами Тимнафы, мог видеть громкую, красочную свадебную процессию. Невеста была одета в темно-синее платье, перехваченное на талии шерстяным поясом цвета шафрана. Волосы, заплетенные выше висков в косы и соединенные между собой так, что свободно спускались на шею, были роскошно украшены венком из маков и белоснежных лилий; голову ее охватывало покрывало огненного цвета. Оно спадало позади и по сторонам и вовсе не закрывало лица. На ногах у нее были желтого цвета башмаки, на шее и руках золотые украшения.

Жених был одет в длинную рубашку из тонкого белого льна, расшитую желтыми узорами. К голубому поясу на левом бедре был привешен серебряный кинжал со вставками из красных матовых рубинов. Голову его украшала диадема, передававшаяся от отца к сыну, от сына к внуку, от внука к правнуку. Оба, и жених и невеста, ехали по городу на деревянных носилках, слишком длинных и широких для узких улочек Тимнафы. Они то и дело задевали дома – и жениха, и невесту неуклюже подбрасывало вверх. Впереди шествия несли петуха и курицу – символ того, что семья будет плодотворной. В воздух взлетали горсти сушеных зерен, привлекая под ноги назойливых голубей.

Когда свадьба достигла ворот дома, вышла заминка. Дальше, по обычаю, отец должен был торжественно передать невесту жениху, в дом его родителей. Здесь же выходило, что это жених вступает в дом отца. Гости переглядывались, слышались разговоры:

– Посмотрим, как он выпутается...

Им недолго пришлось гадать, что будет дальше. Необычайно ловко, в три прыжка обогнув музыкантов и танцовщиц, Шуа, отец невесты подскочил к жениху, крепко расцеловал его в обе щеки и, положив ему руку на плечо, ввел в дом. Вторая рука оставалась свободной, ей он усиленно махал, подгребая за собой воздух. Так он зазывал остальных не медлить на улице. Первыми в ворота нерешительно шагнули родители Шимшона.

Тесть Шимшона, Шуа, приходился племянником царю Экрона. Двадцать лет назад дядя щедро одарил его израильскими землями. Шуа с женой жили весьма безбедно, сдавая внаем сады и виноградники, три раза в год собирая подати серебром. Если обычно супружеские союзы строятся на контрастах темперамента, то здесь никакого расхождения не было. Оба они были сентиментальны, глупы и болтливы.

– Я счастлив! Сегодня я поистине счастлив, – начал Шуа гнусавым голосом, – Помимо мужа для моей старшей дочери, сегодня я обрел сына. Хвала богам! Хвала Баалу! Друзья мои! Мы живем в великолепное время. Проходя долиной отдыха от врагов, что теснили нас с юга, мы можем не бояться, наслаждаясь плодами земли. Теперь же мы, сыны Тимнафы, можем не опасаться ссоры с братьями нашими, которые живут с нами на нашей земле. Мой сын, – тут он вдруг прослезился, – мой новый сын, Шимшон, – он сделал неловкую попытку высморкаться, но слизь никак не желала проходить через два больших полипа, торчащих из каждой ноздри, поэтому он втянул обратно, то, что было у него в носу, – Шимшон вступает сегодня в наш род. Он украсит его, наполнит его радостью. Но главное, что он даст моему роду, – Шуа многозначительно глянул на свою толстоностую дочь, – будет сильное и крепкое потомство, мудрое и воинственное, как и мой сын Шимшон, от которого это потомство произойдет. Хвала Аштарот!

Гости пили вино, угощались засахаренными зернами и фисташками. На столе, через равные промежутки, стояли маленькие красные чашечки с солью, были даже огурцы. Чья-то неумелая рука настрогала их кривыми кружками. Все с нетерпением ждали вечера, когда подадут пива и можно будет отведать основное блюдо – десять заколотых по этому случаю молочных поросят, начиненных инжиром и финиками.

Все это время Шимшон сидел молча. Он никак не отреагировал ни на излияния новоявленного отца, ни на поздравления друзей, которые, проходя из внутреннего двора в пристроенные комнаты, принадлежащие теперь Шимшону, хлопали его по спине. Его красивые глаза смотрели внутрь, само пиршество тяготило его не меньше, чем безумные речи Шуа.

Дом был полон людей, которых он не знал. Лишь нескольких из них Шимшон прежде видел мельком на улицах Экрона. Это были неженатые пэлиштим, пришедшие бесплатно угощаться и поглазеть на судью израильского.

– Сынок, мы пойдем, – сказал старый Маноах. В его глазах стояли растерянность и горе.

– Идите, я навещу вас через семь дней, когда вернусь взять кое-что из вещей.

– Что же это такое за дело, сынок? – всхлипнула Хацлелпони, – как такое могло с нами случиться?

– Не здесь, мама, – мягко осадил Шимшон, – уведи ее, отец. Я приду к вам, возвращайтесь домой.

Шимшон смотрел на удалявшиеся фигуры отца и матери. Его поразило, что раньше он не замечал, как сильно они постарели всего за несколько лет.

– Как же так вышло, Маноах, что наш сын сидит на празднике с этими необрезанными? – все вопрошала Хацлелпони, пробираясь к выходу, но никто не отвечал ей. Никто не обратил внимания на двух стариков. Оперевшись друг о друга, они спустились с холма, на котором расположилась Тимнафа. У его подножия Хацлелпони и Маноах наняли за пим повозку и поднялись в Цору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.